

Олег Ракитянский

ПРО ПАНАСА

И ШПИОНА-АСА

12+

Олег Ракитянский

Про Панаса и шпиона-аса

«Автор»

2003

Ракитянский О.

Про Панаса и шпиона-аса / О. Ракитянский — «Автор», 2003

Юмористическая приключенческая повесть об агенте Панасе. Захватывающий сюжет. События развиваются в лихие 90-е. Присутствует доля вымысла...

© Ракитянский О., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Олег Ракитянский

Про Панаса и шпиона-аса

РЕВЁТ И СТОНЕТ ¹

В распахнутую форточку ворвался свежий ветер русской зимы, занесший в кабинет лохматые снежинки. Мягко кувыркаясь, они ровными рядами ложились на рапорт о вербовке очередного агента. Одна, самая крупная и бесстыжая, умудрилась улечься прямо на генеральскую подпись и резолюцию «согласен». Подпись стала расплываться и, засохнув, приняла форму, отдаленно напоминаящую кукиш.

«Грустное зрелище», – подумал Панас и посмотрел на стоявшую под столом «Кировоградскую с перцем»².

Последние дни работа не клеилась. Пропал боевой задор, откуда-то выползла лень и завладела бедным Панасом, еще недавно сгоравшим от оперативного азарта. Снова потянуло в отпуск. В родной Киев. Захотелось предаться национальным забавам на берегу Днепра или утонуть в каштановом шуме Крещатика.

По тому, как противно затрещал телефон, Панас понял, – это Иван Божко.

– Панас Романович, – докладывает Иван, – «Штуцер» до обеда находился в квартире. Звонков не было, и никто не приходил. В 14 часов вышел из квартиры, при этом отчетливо был слышен звон пустой бутылочной посуды.

---

¹ – первые слова известной украинской песни на слова Шевченко Т.Г. «Заповит» («Завещание») – примечание и перевод автора (далее – Автор)

² – украинский мужской напиток – Автор

– Послушай, Иван. Ты ничего не перепутал? Причем здесь бутылки, если он не пьет? Может, это твой напарник Спиридон Тёмный снова пошел сдавать тару?

В рации раздался непонятный хрип и после минутной паузы Иван откуда-то издалёка передал, что связь неустойчивая, не разобрал последние слова и выйдет в эфир через пять минут. В это день Божко в эфир больше не вышел, как и его подельник Спиридон, который был ещё зеленым, как «кузнечик», начинающим опером.

Объект оперативной проработки «Штуцер» попал в поле зрения «секции»³ в начале года. Информация была получена от источника «Герда» – его бывшей любовницы. «Герду» нашел в Москве и «оформил» ретивый и перспективный опер Прохор Громов во время её очередного приезда по служебным делам в Россию. Поначалу Панас не обратил должного внимания на этот контакт «Проши», хотя и провел с ней восемь незапланированных контрольных встреч.

³ – структурное подразделение Директората Государственной безопасности России

«Герда», в отличие от другой женской агентуры, была птичкой совершенно особого полета. Это был человек из другого мира. Со своим образом жизни, запросами, положением в деловых кругах «энного», враждебного государства. С внешностью шведской королевы, от которой «тормозилась» кровь и хотелось потерять «обручалку». Всё указывало на то, что при-тянуть её к нам не хватит месячной зарплаты всего «сектора»⁴, а самое главное – опытных «ухажеров-вербовщиков». Сам Панас был загружен более важной, как считал, работой. Однако, вопреки всему, каким-то непонятным образом Федор сумел обольстить «Герду» и приобщить работать на «сектор».

После того как «Герда» дала серьезную наводку на «Штуцера», закипела работа. «Иностранца» (так в тексте – примеч.– Ред.) взяли в разработку и обложили, как бывшего Генпрокурора. Такой оперативности «сектор», да и другие структуры Директората не знали со времен последнего путча. Многим пришлось вспоминать название оперативных мероприятий, для чего, по указанию «крыши»⁵, отзывали с пенсии двух «контрразведывательных зубров».

Старички были забавны и исторически любопытны. Их регулярно поили чаем с сухарями. От «макдональдсов», по идейным соображениям, они категорически отказались. Кроме того, «зубров» просили из комнаты для посетителей в течение дня не выходить. Там же установили видеоманитофон, и Панас принес из дома штук 10 видеокассет с фильмами времен «холодной войны».

Один из старичков, – Петрович, для прохода в «сектор» однажды предъявил дежурному удостоверение, подписанное лично Лаврентием Берия. С тех пор Петровича потчевали только «чачей» из алюминиевой кружки, а в приёмной на стене повесили портрет Лаврика со словами из выходного марша «чекистов»: «...а мы чекисты идём уверенно, ведёт к победе нас наш маршал Берия...».

---

⁴ – структурное подразделение Директората, состоящее из трёх «секций» – Ред.

⁵ – так в тексте – Ред.

Иногда, к концу дня, Петрович от «чачи» входил в особое состояние и начинал потягивать «маршик», да так, что на улице собиралась толпа прохожих. Некоторые грустно вздыхали и пытались не в такт подпевать, другие намеревались выкрикивать что-то похабно-демократическое. В конечном итоге Петровичу объяснили, что репертуар его сольных концертов должен быть согласован с отделом безопасности Директората и к тому же, он грубо нарушает требования конспирации, предписанные закрытым приказом Наркома Внутренних Дел Берия Л. П. № 1937 бис от 20.12.1938 года, и стали пить исключительно «Боржоми».

Общими усилиями «сектора» через месяц была получена проверенная информация, что «Штуцер» является кадровым сотрудником ЦРУ и в России пытается раздобыть образец медицинского препарата «Спирит», разработанный закрытым Московским НИИ. «Америкосы»⁶ получили сведения о чудо-препарате от работника кооператива «Кидон и кагал» Бени Шлак-

⁶ – «америкос» – сотрудник разведки – Автор

баума, который «ушел» на ПМЖ⁷ в Штаты, в конце перестройки. Возможно, Бенья, который в кооперативе занимался разработками новых технологий производства «лохотронов»⁸ что-то приукрасил или продал «информашку» подороже, но «янки»⁹ заглотили её очень глубоко и уже полгода топтались вокруг НИИ, пытаясь проникнуть на объект. Их даже не смущало, что на протяжении всего этого времени двери института были закрыты, перед входом скопилась гора неубранного снега, с которой местные детишки катались на санках. Они были наслышаны о чудесах конспирации «этих полудиких» русских и, конечно же, не доверяли им никогда.

Почему «Штуцер» был привязан к «Клозету» (под таким псевдонимом проходил НИИ в оперативных документах), в «секторе» знали немногие.

В свое время, после поступления анонимного звонка о якобы заминировании здания (звонки по «02» выдал Пашка Сибирцев из 1-й «секции»), в течение 24 часов весь персонал института вместе с оборудованием был вывезен в подмосковный совхоз им. Дзержинского. Все эти месяцы директор НИИ писал кляузы и пасквили в различные инстанции, в том числе и в «ооновские», которые, в конечном итоге, оказывались на столе у Панаса. В этих жалобах он клеветал на, якобы, неправомерные действия Директората, требовал закончить проверку и разминирование «Клозета» в сжатые сроки. Сам же Панас и отвечал директору, что, мол, мина продолжает тикать, но очень замедленно, а имеющиеся приборы обнаружения постоянно выходят из строя в силу отсутствия необходимых материальных ресурсов. Далее приводился краткий перечень ресурсов, пунктов на 30-ть, необходимых «сектору», чтобы закончить разминирование. В конце был указан расчетный счёт в банке для вероятных спонсоров.

После успешной эвакуации персонала института Панас, из оставшихся дворников, отобрал наиболее преданных, подготовленных, с высшим образованием, знанием английского и создал спецгруппу «Синяк». Она была проинструктирована о необходимости поддержания видимости функционирования объекта в случае поступления телефонной команды.

Назначен ответственный сторож – дядя Вася, нос и лицо которого служили ответом на детскую загадку «зимой и летом одного цвета». Команда, содержащая условную фразу: «Извините. Простите за беспокойство. Будьте так любезны. Не сочтите за труд сообщить, к Вам сегодня «Столичную» завезли?», поступала от Панаса в случае появления «Штуцера» возле «Клозета». Об этом сообщал «Микки Маус» (наружное наблюдение).

Услышав её, дворники, как ошалелые, начинали бегать по зданию, включать свет в кабинетах, иногда открывать окна, выходящие на улицу, и зычно, членораздельно выкрикивать фразы типа: «Опять ехать на полигон за свой счет! Что они себе там думают в Генштабе? Да я этот препарат лучше продам американцам. Куплю швейцарский паспорт и на «Майбахе» с любовницей уеду в Бердичев!».

Неделю назад Панас в очередной раз разыграл тревогу и выдал команду. Дворники, развернувшись в цепь, начали бегать по зданию, но в кабинете бывшего директора почему-то не стал загораться свет. После выяснилось, что один из них выкрутил все лампы и поменял на бутылку самогона. Дядя Вася, не придумав ничего более умного, где-то нашел керосиновую лампу, зажег её и, размахивая над головой, как на митинге, стал носиться по кабинету. То ли на полу был лёд или ещё по какой причине, но дядя Вася упал, лампа разбилась и вытекший керосин моментально загорелся. Увидев огромные языки пламени, вырвавшиеся из окна директора НИИ, «Штуцер» быстро сообразил, что вместе с «Клозетом» может стореть и его служебная карьера. Срочно достал мобильник и через посольскую резидентуру¹⁰ вызвал половину пожарных команд Москвы.

---

⁷ – переселиться жить за границу – Ред.

⁸ – аппарат для чистки карманов – Ред.

⁹ – очень плохие «америкосы». «Болотные жабы». Подстрекатели и провокаторы социальных катаклизмов в государстве – Автор

¹⁰ – официальное место в посольстве для неофициальной работы сотрудников разведки враждебного государства – Ред.

Как всегда, последним на месте происшествия появился Панас со своим гвардейским экипажем¹¹. Ко всеобщему удивлению, пожарные прибыли через полторы минуты и договорились с огнем.

Быстро разобравшись на местности, Панас вскоре доложил руководству о ЧП, и всё бы ничего, если бы на следующий день одна бульварная газетёнка не тиснула в рубрике происшествий заметку о пожаре и фотографию с места событий. На фотографии, на фоне дымящего здания, был запечатлён Панас с поднятым кулаком, а перед ним по стойке «смирно», с опущенными головами, стояла шеренга дворников. В левом углу фото угадывался контур «Штуцера».

¹¹ – синоним определению «секция» – Ред.

Рано утром на ковре генеральского кабинета понуро стояла шеренга сотрудников 2-й «секции» Панаса. Генерал – этот тихий, всегда спокойный, вежливый, милейший человек – напоминал кандидата в президенты, у которого накануне подсчёта голосов украли единственную урну с поддельными бюллетенями избирателей. Такой плотный набор идиоматических выражений Панас даже не слышал от Зинки Корзинкиной из 1-й «секции», когда её однажды обсчитали в магазине. При этом генерала больше возмущал не сам факт ЧП, а то, почему на фотографии крайний справа в шеренге, а это был дядя Вася, лежал спиной на снегу со скрещенными на груди руками, и почему Панас проводил инструктаж спецгруппы «Синяк» с нарушением требований конспирации.

От грустных воспоминаний Панаса оторвал телефонный зуммер. Звонил сын.

– Па-а-п, тебя вызывают на школьный педсовет.

– А что я там забыл, сынок? Или теперь выборы с родителями будут проводиться на уровне директора?

– Да, нет. Просто. Ну. Короче. Я тут побил, чуть-чуть и не ногами, Эдика Малкина. Помнишь, я тебе говорил про этого «нового русского»? А его отец «забил тебе стрелку»¹² у директора школы и «заказал»¹³ педсовет для решения вопроса о моём отчислении. Короче, мама просила тебе передать, чтобы ты завтра в четырнадцать часов был в школе. И смотри, не опаздывай, а то тебя Малкин поставит на «счетчик»¹⁴, – и бросил трубку.

– Этого ещё не хватало! – выдохнул Панас и, вернув свои разбросанные мысли к «Штуцеру», начал читать сводку «Микки Мауса».

«Мышонок» сообщал, что вчера, поведив объект часов восемь по Москве, он «уложил» «Штуцера» в Охотный ряд, дом 1. Зайти в Госдуму не представилось возможным. Перед подъездом творилось что-то невообразимое. Собралось столько народу, что казалось, будто санэпидемстанция травила каких-то гадов. Всё смешалось – губернаторы, какие-то проходимцы, депутаты, профессиональные проститутки. «Микки» оставался на улице, постоянно меняя место, гонимый ГАИ и отбиваясь от «ночных блюстилок»¹⁵ нравственности. В результате противостояния с последними «мыши» понесли потери, так как одна «бригада» без команды снялась и ушла на «базу», предварительно отключив связь.

Ближе к вечеру из адреса вывалился «Штуцер», сопровождаемый председателем парламентской комиссии то ли по обороне, то ли по надзору за деятельностью правоохранительных органов. Далее сообщалось, что объект был в нетрезвом состоянии, на голове «будёновка», в правой руке надкушенное гнилое яблоко, в левой – агитационные прокламации партии «Правое дело». В кармане пальто были небрежно засунуты документы последнего закрытого совещания комитета Госдумы по геополитике. «Штуцер» с неизвестной женщиной сел в подошедший «мерседес-бенц», с правительственными номерами и при помощи ГАИ, получив «зелёную улицу», исчез в ближайшем переулке.

«Грустное зрелище», – вздохнув, подумал Панас.

За стеной, в кабинете Тимофея Зелёного, мерно зашумел «трофей». Так в «секторе» называли аппарат для подсчёта крупных партий денежных купюр. В своё время Тимоха прихлопнул его с очередной проверки какого-то банка в рамках проведения правоохранительными органами России спецоперации «Вихрь». Несмотря на то, что «Вихри» закончился полгода назад, «вихревые» его отголоски по-прежнему крутили Тимоху вокруг банков, крупных фирм и зланных заведений. За это время Тимофей превратился в Тимофея Палыча, оброс «сортир-

---

¹² – навязать свидание – Ред.

¹³ – предложить решить проблему в пользу "заказчика" – Ред.

¹⁴ – специфический метод воздействия на не виновного, с требованием удовлетворения моральных издержек в форме денежных компенсаций в рамках общего «заказа» – Ред.

¹⁵ – нет перевода – Ред.

ными» золотыми цепями, бриллиантовыми «гайками», нарастил себе бычий загривок и глобусный целлюлит. Поменял несколько иномарок, и на его заплывшем от «нервов» теле не осталось места для «русской нитки». Да, одевался Палыч сильно и стильно. Стал открывать дверь руководства эксклюзивной «саламандрой». Забыл дорогу в секретариат, да и вообще зазнался. На работу появлялся на несколько минут, и его присутствие в «секторе» можно было определить по жужжанию «трофея».

– Нет! Так работать дальше нельзя! – проворчал Панас и, подняв телефонную трубку, срочно вызвал Прохора Громова, который появился через минуту.

– Проходи. Садись. Чем занимаешься?

– Панас Романович, по Вашему указанию провожу установки по местам пребывания «Штуцера». В зоопарке – павильон обезьян, на ВДНХ – павильон скотоводства и ещё Воронцовские бани.

– Причём тут бани?

– Дело в том, что бани он посетил 14 числа в субботу, а суббота – исключительно женский день. Находился он там 2 часа 11 минут. Куда последовал затем, установить не удалось, так как выходящим его никто не видел. А вот это истораживает! Кроме того, как стало известно, именно в эти бани «Штуцер» ходит один раз в месяц и именно по субботам. Необходимо выяснить, что ему там нужно, Панас Романович. Для этого я предлагаю разместить пункт негласного наблюдения непосредственно в бане. Для этого потребуется смена из двух человек и порядка 20 комплектов видеоаппаратуры. С технической группой «сектора» я уже договорился. Правда, они заявили, что мероприятие очень сложное, поэтому требуют их непосредственного участия. Но так как они незнакомы с материалами дела, я им в этом отказал, да и с требованиями конспирации они знакомы на уровне детского сада. Поэтому осталось выбрать двух оперов из нашей «секции», – воодушевлённо подытожил «Проша».

Панас надолго погрузился в сладостное созерцание. Непристойные мысли, опережая друг друга, сверлили кору головного мозга, как последняя взбучка от тётки, когда он, входя в квартиру, опять вытер ноги о соседский коврик.

Все прокрученные в голове варианты личного участия в ответственном мероприятии упирались в категорический запрет Директора, объявленный совершенно секретным приказом № 0019 от 22 августа 1991 года «О запрете личного участия руководящего состава Директората в митингах, факельных шествиях, в распитии спиртных напитков на баррикадах и при проведении оперативно-технических мероприятий на объектах повышенной сексуальной опасности».

После двадцатиминутного молчания Панас посмотрел на «Прошу» и понял, что приказ № 0019 тот выучил наизусть. У Панаса покраснело левое ухо.

– Ты кого предлагаешь? – спросил Панас, цепляясь за последний шанс.

– Панас Романович, я разработчик, поэтому в группу хотел бы включить себя и Пашку Сибирцева.

– Однако Сибирцев из 1-й «секции».

– Да, но Паша уже провёл подобное мероприятие в другой бане.

– Знаю я этот опыт, – фыркнул Панас, – после него он даже на работу стал заявляться, не смыв помаду. Нет, Прохор, слишком большие затраты и по средствам, и по времени. Надо придумать что-нибудь реальнее и красивее. Необходимо активизировать работу. Твой «Штуцер», как и все «америкосы», увлекается девушками, может, подставим ему Зинку? Этим будешь заниматься ты. Только не забудь забрать у неё паспорт, чтобы она не оформила брак и не ушла вместе с твоим «делом» за кордон.

«Проша» что-то пробурчал и, перекосив рот, вышел.

Панас решил сам подготовить Зинку и зашёл к ней в кабинет. Зина в очередной раз объясняла кому-то по телефону, что это не прачечная, а она не справочное бюро. Все её слова

были филологически грамотно подогнаны и смачно обёрнуты в простую, доступную всякому человеку словесную нецензурную форму. А зычный Зинкин голос позволял перехватить их в радиусе устойчивого приёма разведывательной аппаратуры, установленной на крыше посольства США в Москве.

– Зиночка, здравствуй. Ты сегодня так хорошо выглядишь.

– Тебе чаво? – огрызнулась Зина, не повернувшись в сторону входящего.

– Зина, у меня к тебе важное правительственное задание. Я бы хотел с тобой серьёзно переговорить. Дело в том, что у «Проши» в производстве есть «америкос». Никак не можем к нему подступиться. Обложили техникой, но всё тщетно. Последняя надежда – ты.

– Послушай, Панас, эти песни я уже где-то слышала. Ты мне то же самое напевал год назад, когда работал по Сёме Ватману.

Панаса чуть не хватил ступор, и начало подташнивать вчерашним гороховым супом.

Действительно, год назад секция работала по Семёну – секретноносителю, работнику одного закрытого акционерного общества (т. е. в последующем закрытого органами государственной безопасности). Дело находилось на контроле у Директора. Сёма «заказал» ПМЖ и пытался уйти в Израиль через окно на китайской границе. По указанию руководства на границе развёрнули дополнительную дивизию внутренних войск, организовали крушение поезда и вывели из строя мост через Амур. На всякий случай.

Тогда Зинка отработывала легенду влюблённой якутянки с отдалёнными еврейскими корнями и желанием выехать на землю обетованную. Если второе у неё получалось очень даже артистично, то первое, платоническая любовь, – не очень. Она никак не могла войти в образ. Хотя при внешнем виде Семёна это было неудивительно. Его скудная растительность на голове, выкошенная постоянными аферистическими мыслями, короткие, волосатые, жирные пальцы на руках, как щупальцы объевшегося осьминога, и вечно потные ладони, к которым прилипали исключительно «зелёные», провоцировали только одно желание – штампануть маузером визу на лбу и вышвырнуть за границу. Но руководство отдало приказ – посадить любой ценой.

С Зиной приходилось ежедневно проводить инструктаж и репетировать некоторые любовные сцены. С Панасом у неё всё проходило до неприличия гладко. Правда, ограничивались только наглядной, эротической агитацией, но с Семёй каждая встреча могла стать последней.

В конечном итоге, путём невероятных усилий и личного приказа по Директорату Зинку удалось завести в номер гостиницы «Савой». И вот, в самый ответственный момент откуда ни возьмись появилась жена Семёна Роза. Ворвавшись в номер, она одним ударом «попросила» Семёна помолчать, придав ему вертикальное положение, и набросилась на Зинку. Поднялся такой истошный вопль и рёв, сопровождаемый звоном разбитых стёкол, что, казалось, началась якуто-израильская война.

В гостинице пришлось объявить воздушную тревогу и срочно эвакуировать постояльцев. Розу успокаивала вся секция Панаса, другая с криками: «Бей... спасай...», «За Вильну...» сошлась с «Бейтаром»¹⁶, который «крышевал»¹⁷ Розу и пытался взять Зинку.

Как потом оказалось, Роза обратилась к частному детективу Фиме Кульману. Тот «отработал»¹⁸ Семёну Ватмана и «вычислил»¹⁹ Зинку. Через свои связи в «органах» получил на неё полную биографическую «установку». Под занавес Фима нанял «Бейтар» и обеспечил заход Розы в номер.

---

¹⁶ – полувоенная еврейская организация, отказавшаяся регистрироваться в МВД России. В настоящее время продолжает активно функционировать на территории страны – Ред.

¹⁷ – прикрывать чью-то незаконную деятельность, обеспечивать физическую, экономическую и политическую безопасность – Ред.

¹⁸ – собрать информацию – Автор

¹⁹ – сведения биографического характера, место жительства и т.д. – Ред.

Рукопашная длилась недолго, но вывести всех уложенных «бейтаровцев» из гостиницы не получилось. На выходе наивных сотрудников двух «секций»

принимали «Собры»²⁰ и препровождали в околоточные участки. Пинали всех, кроме наших. Панаса, получившего в суматохе тяжелый удар по голове от своего же подчинённого Прохора (бывшего мастера спорта по боксу), срочно госпитализировали через запасной выход с диагнозом «контузия». (В конце прошлого года Панас лишил Прохора тринадцатой зарплаты за пьяный дебош во время вручения правительственных наград на коллегии Директората.)

---

²⁰ – боевое подразделение МВД РФ, предназначенное для подавления или создания беспорядков – Ред.

Вспоминать, как рассосалась вся эта история, было неприятно. Но в вышедшей на Западе книге Сёмы о кознях Директората была отдельная глава, посвящённая Панасу, с фотографиями его детства.

– Зина, – продолжал нашёптывать Панас, – здесь совсем другая ситуация, он не еврей, и легенда приближена к жизни. Ты будешь обыкновенной проституткой. «Америкос» неравнодушен к женщинам, он даже ходит в женскую баню.

– А у него правильная ориентация? – перебила Зина.

– Правильная, правильная. Спиридон Тёмный уже проверил. Так вот. Ты с ним знакомишься, он приглашает тебя в номер, ты доводишь его до «состояния невесомости». После чего передаёшь нам. Ну, а там дело техники. Подцепишь его при входе в гостиницу. Передачу мы тебе обеспечим. Представляешь, Зин, и за это, я тебе гарантирую неделю отгулов плюс благодарственное письмо на родину (Зинка родилась в ГДР – ред.), затяжной поцелуй перед строем «сектора» и флакон израильских духов «Роза».

– Ладно, Панас. Умеешь ты баб убалтывать. Я согласна.

– Вот и хорошо. Громов тебе расскажет детали. Готовность – завтра.

Наступивший день не предвещал ничего плохого. Погода стояла зимняя, солнце резвилось в облаках, как огромный прожектор, и абсолютно не грело, вызывая недовольство у всех присутствующих в городе. Температура была градусов под минус 35. Половина машин наружного наблюдения не завелась, на трассу для слежки за «Штуцером» пришлось выпускать те, что были, в том числе один «КамАЗ» и резервный «Студебеккер»²¹, начавший свой боевой путь в 1944 году в Управлении «СМЕРШ»²² 1-го Украинского фронта.

Опергруппы выстроились в 8 утра возле гостиницы на Чистых Прудах. Суматоха была невообразимая, особенно между «КамАЗом» и «Студебеккером». Последний никак не мог припарковаться и загораживал половину улицы, которая использовалась сотрудниками посольства США при подъезде к месту работы. В конечном итоге «мыши» на «Студебеккере» пристроились на детской площадке местного садика, пообещав детишкам покатать на машине.

Одна из групп, закамуфлировавшись под «бомжей», уже битый час копалась в единственном мусорном контейнере возле адреса.

Другая, попарно, без музыки, каталась на коньках замёрзшего пруда. В это время появился объект. Все группы пришли в движение, один «Студер» никак не мог завестись. Увидев его и прокричав что-то типа: «В-а-а-у-у-у», «Штуцер» подбежал к машине и завязал разговор с водителем. Со стороны Панас отчётливо видел, как «америкос» заглядывал в кузов, в кабину и, наконец, начал тыкать пальцем в левую дверь с незаслуженно забытым лозунгом «НА БЕРЛИН!». (Между прочим, который давно пора сменить на более актуальный: «НА ВАШИНГТОН!» – Ред). На двери также были изображены 5 больших знаков почётного чекиста с указанием километража, который прошла машина, работая в органах НКВД–МГБ–КГБ–МБВД–МБ–ФСК–ФСБ. Ничего не поняв, иностранец угостил шофера сигаретой и, не скрывая своего восхищения, двинулся в сторону метро.

Проходя мимо пруда, остановился и стал наблюдать за «фигуристами». Пытаясь задержать «Штуцера» и дать возможность подтянуться остальным «мышам», один из них начал выписывать немыслимые пируэты, но после очередного «тулуца» не удержался на ногах и растянулся на льду. При этом у него выскочила портативная рация типа «ангстрем»²³, пробила лед и ушла на дно. Вслед за ней туда же последовал табельный пистолет. «Америкос», проявив жалость, решил поддержать «фигуриста» и похлопал в ладоши.

Мороз крепчал.

---

²¹ – американский автомобиль времён Второй мировой войны – Ред.

²² – «Смерть шпионам!». Подразделение советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны – Ред.

²³ – радиостанции, приобретённые в магазине «Детский мир» – Ред.

Задержавшись возле мусорного контейнера, «Штуцер» бросил пару монет «бомжам», изобразив на лице скорбную физиономию и демократическую брезгливость.

Всё проходило, как всегда, по плану...

Далее объект последовал в метро, где был подхвачен специальным поездом, сделанным по заказу Директората и позволявшим контролировать разговор любого пассажира в любом вагоне.

В круговерти событий дня внезапно подкралась ночь.

«Мыши» предупредили, что «Штуцер» вышел из здания Минобороны и начал движение в сторону адреса проживания. Не заведённый с утра «Студебеккер» дети превратили в снежную крепость и всюю кидались снежками. В кабине машины был развёрнут дополнительный пункт визуального и оптического контроля за американцем и закусовая типа «Бистро».

Панас снял «бомжей» с контейнера и рассредоточил вокруг снежной крепости. Они настолько ушли в воспоминания своего детства, что не хотели уходить. В азарте снежных забав все группы чуть было не прозевали «Штуцера».

Решив проверить вход в гостиницу, Панас подъехал к зданию. Зина стояла на том месте, которое было определено с утра. Рядом с ней находились два кавказца, и она им что-то любезно пыталась объяснить. Потом, внезапно развернувшись, съездила своей косметичкой по голове одного. Другой тут же исчез в переулке.

– Зин! Что ты делаешь! Ты ведь ломаешь спецтехнику! – прокричал Панас. В «косметичке» находились два «ангстрема».

– Послушай, Панас, – произнесло бело-синее лицо Снегурочки, напоминавшее Зину, – меня эти контрразведывательные игрища уже достали. Я здесь стою с утра. Я вся околела, никуда нельзя отлучиться. Сколько я могу отбиваться от этих «кавказцев»? Это уже восьмые. Где твой «америкос»? Если он не появится в течение 10 минут, я всыплю ему и тебе!

Свою речь Зина, как всегда, сопровождала убедительными «связками», повышенная концентрация которых на морозе достигала уха Панаса и била по мозгам не хуже «ангстремов». Они же заставляли прохожих перебежать на другую сторону бульвара, а швейцар в гостинице мгновенно повесил вывеску «Местов нет».

– Зиночка, Зинуля, не губи! Клиент будет через пять минут. Смотри, не сорви операцию! И помни о благодарственном письме. – Панас посмотрел в сторону и крикнул: – Зинка! «Штуцер»! Полундра!²⁴

Увидев объект, Зина замерзшими губами и щеками попыталась улыбнуться. Изобразив приезжего слепого, искавшего какой-то адрес, Панас, заплетаясь и кособочась, поплёлся по улице.

---

²⁴ – Поберегись! Спасайся, кто может, и кто не может – Ред.

Зина подошла к «Штуцеру» и вступила в контакт.

У «америкоса» заиндевели очки. Настороженно шевелились губы. Зина, сделав серьезное лицо, зачем-то стала разминать свою «косметичку». Затем плавным, отработанным движением (сказались практические занятия с Панасом) сняла с объекта очки, засунула куда-то в свою выдающуюся грудь и вернула через пару секунд. Пристроив «линзы», «Штуцер» расцвел в улыбке и начал светиться, как будто ему предлагали зайти в гостиницу для вручения «Медали Конгресса»²⁵.

В этот миг Панаса пронзила мысль, от которой он вспотел, несмотря на мороз.

– Зинка ведь не знает английского, а «Штуцер» – русского, – пробубнил приезжий слепой.

²⁵ – высшая государственная награда США – Ред.

Но, тут же снова замёрз, так как кое-что вспомнил и с удовольствием изрек: «Язык любви понимают все».

«Влюбленная» парочка, переступив через запорошенного снегом «кавказца», медленно продефилировала к дверям гостиницы.

По команде Панаса в здании тут же отключили все лифты, кроме одного, оборудованного оперативной техникой подслушивания. Памятуя инцидент с Розой, Панас по мобильнику позвонил в Вашингтон, домой «Штуцера», и, услышав в трубке ласковый голос Моника, выключил телефон.

«Жена на месте», – усмехнулся он про себя, после чего по рации вызвал Прохора и разрешил ему участвовать в мероприятии.

Иван доложил, что «молодые» вошли в номер. Однако номер молчал. Как потом оказалось, Зинка, зная, где проходит провод спецтехники, перерезала его маникюрными ножницами. Связь оборвалась. «Крыша» в истерике начала требовать немедленного доклада об оперативной обстановке в номере. Все были на взводе. Тут ещё, во время очередного детского штурма, без команды завелся «Студебеккер», оглушая своими выхлопами все в округе. При этом испускал такой черный едкий дым, что, казалось, горела нефтяная скважина где-то в районе Кувейта. Со спецгруппой «Беспредел»²⁶ Панас замер на этаже в десяти шагах от номера «Штуцера».

– Не понимаю, что случилось? Ведь я её предупредил, если она не выйдет из номера через пять минут, ей припишут аморалку и вытурят из органов! – повторял сам себе Панас.

В этот момент щелкнул ключ и в коридоре показалась Зинка.

– Панас, всё нормально, но эти клизмы из технического отдела дали слабое снотворное. Мне пришлось утратить дозу, – каким-то взвинченным тоном доложила она. – Панас, косметичкой я не пользовалась, честное слово. В общем, – заходи!

Все ввалились в номер, как в «бутик» на распродажу. «Америкос» лежал на кровати в позе «вольно». На нём была дубленка, горные ботинки, однако отсутствовали очки и джинсы.

Хлопцы набросились на его вещи и стали аккуратно потрошить. Урожай был обильный. Шифрованные блокноты, фотографии «Штуцера» с семьёй Президента России, микрофотоаппарат-зубочистка, перочинный ножик-болгарка. Денег оказалось всего 150 долларов. От досады Панас пнул ногой тело «Штуцера» в бочину и неуверенным движением отдал их обрадованной Зинке.

Операцию закончили очень быстро и также снялись.

Дорога домой превратилась в триумфальное шествие возвращавшихся из очередного набега запорожцев. Во всех попадавшихся ларьках скупалось спиртное. Настроение было особенно приподнятым, слышались здравицы в честь Панаса и Зины. «Крыша», как всегда, скромно поздравила с успехом и предложила долго не задерживаться на работе.

На ней никто и никогда не задерживался. Это было не в традициях «секции».

Зина ходила в именинницах. Все пытались её обнять и расцеловать, а она, расщедрившись, позволяла ребятам некоторые вольности. Один Панас был весь хмурый и неприступный, как днепровская круча. Что-то бурчал про какие-то письма, отгулы, но в конечном итоге всё сводилось к вопросу.

– Зин, «баксы» у тебя?

– Послушай, Панас, – проняла Зина, пребывая в пьяной неге, – чаво ты клеишься к моим честно заработанным «бакам»?

– Что ты, Зинок, просто беспокоюсь, чтобы ты их не потеряла, – смущённо оправдывался он.

---

²⁶ – боевое подразделение Директората, предназначенное для захвата или освобождения заложников – Ред.

– Панас, пошёл вон. Ты мне ещё должен «Кировоградскую с перцем» за то, что целый день мёрзла на улице. Она у тебя стоит под столом.

«И откуда она все знает, – подумал Панас, – ничего от неё не скроешь, как от тётки».

– Зинок, я, если сказал, значит, сделаю.

– Панас, а между прочим, «америкос» даже очень ничего. Не то, что наши!

– Послушай, Зин, не трогай «секцию». А если нужны гроши, так и говори. Устрою тебе ещё одну встречу со «Штуцером». Но сперва отдашь ножницы.

– Ну ладно, Панас. Я же пошутила. Панас, а где твой обещанный поцелуй перед строем? – блеснув своими лукавыми глазками, кокетливо выдохнула героиня.

– Зинок, да за такие слова. Да я готов свои собственные 150 отдать, – оживился Панас, сконцентрировав взгляд на «выдающемся» достоинстве Зинки и раздвигая желающих, стал приближаться к имениннице.

Панас был пьян и от успеха, и от всего остального.

* * *

Рабочая неделя Директората, как всегда, началась с очередного совещания, на котором рассматривался план дальнейшей работы по делу и перспектива реализации материалов.

Начальник Управления генерал Песочников заседал в президиуме. Вокруг расположились начальники рангом чуть пониже, но с амбициями чуть повыше. Каждый вошёл в свой образ. Трещали надутые щёки, принимались философские позы. От собственного величия закатывались глаза, как при обмороке. Демонстрировались многозначительные жесты, отдавались тупые распоряжения, в избытке разливалось подобострашие и закамуфлированный подхалимаж. Никто особо не старался скрыть желание приукрасить свою репутацию и поднять в глазах «зала» свою значимость. В воздухе витала непонятная напряженность и глупая торжественность. Президиум шевелился, как облитый бензином муравейник. Разворачивающийся «спектакль» чем-то напоминал «сходку», на которой надо было поделить и утрясти, кому что достанется «на грудь», если «возьмут» «америкоса».

Генерал взял в руки свою речь и направил её исключительно на Панаса. Из неё следовало, что надо сделать это, это, это и ещё много чего. Одновременно «Песок» в течение часа рекомендовал за помощью обращаться к товарищу Горбачеву из другого «сектора». Потому что товарищ Горбачев хотя и специализируется по другим делам, но: «...очень опытный и ответственный товарищ».

И здесь Панаса прорвало.

– Товарищ генерал, да какой он мне товарищ. Мне такой товарищ в сорок первом на Днепре – хату спалыв!

Зал, как компрессор, засосал весь воздух до отказа. Стало видно и слышно, как солнечные зайчики в предчувствии затмения забились в дальний угол помещения. На сцене из прогрызенного паркета появилась морда здоровенной крысы, чем-то напоминавшей одну из ведущих НТВ. Президиум сделал равнение направо, сконцентрировав свой взгляд на выступавшем. Панас живо представил себя невинной жертвой одного из процессов 37-го года.

– Товарищ Бандура, я призываю Вас к порядку, и не забывайте, что Вы находитесь на служебном совещании, – выдал из себя остаток речи генерал.

Общий вздох присутствующих чуть не просквозил Бандуру. Однако от помощи «горбатого» Панас отказался категорически. На то были свои причины.

Месяц назад оперработник Трофим из соседнего «сектора» подготовил к реализации материалы по валютчикам. Над разработкой преступной группы он «кувыркался»²⁷ целый год.

---

²⁷ – разрабатывал – Автор

И вот перед самой реализацией, – захвата с поличным, «горбатый», облизав одного начальника и поплакавшись другому, отстранил от дела Трофима, взял себе в производство материалы и попытался «снять сливки».

Реализация прошла как нельзя коряво. Большая часть группы разбежалась. Удалось взять «пешек» и одного из МВД. На первом допросе в «секторе» тот отпросился в туалет и незаметно от «горбатого» выбросил в сортир солидную пачку «баксов», потом «сходил» и спустил воду. Однако «отмыть» деньги ему не удалось – забился унитаз. Их обнаружили, и «горбтому» пришлось доставать каждую купюру, тщательно их чистить и сушить. Зрелище было незабываемое – воняло на весь Директорат. Желających прийти посмотреть и посмеяться было так много, что Панас вынужден был выстраивать очередь и организовывать продажу билетов. Дети младше 16 лет, а также лица, не имеющие допуск по форме номер 2, на сеанс не допускались. На входе в здание он успел повесить объявление «Представителей муниципальной канализации просьба не беспокоиться».

После этого случая «горбатый» ежедневно обливался всякими одеколонами, но запах так и не улетучивался. Он никак не мог понять, что этот запах тянется с детства, а он самый устойчивый, и «баксы» здесь не причем.

Однако очередной орден «горбатый» себе на грудь всё же прикрутил и в среде домочадцев рассказывал басни о своей героической работе по захвату шпиона. К сожалению, таких «горбатов» орденосцев в Директорате уже набралось процентов пятьдесят. И, возможно, настало время им организовать в какой-нибудь союз членов «Ордена горбатого» («ОГО»), чтобы официально «втирать очки» операм – «рабочим лошадкам» и всем остальным сослуживцам, а также неискушенному российскому обывателю.

В конечном итоге к реализации оперативных материалов «секции» были привлечены другие лица, никакого отношения к делу не имеющие, смутно представляющие оперативную работу и, как следствие – хамоватые, надменные и высокомерные. При каждом случае лишний раз напоминавшие, что они кураторы, и требовали отчётности по каждому документу, встрече или проведенному мероприятию. Получив желаемое, тут же доносили вышестоящему руководству, не забывая подчеркнуть, в случае положительного результата, свою заслугу и всячески очернить или принизить роль исполнителей. Коллектив «секции» ворчал, но приходилось смиряться, ссориться с вышестоящими коллегами было опасно и бесполезно.

С целью подстраховки и обеспечения дополнительных гарантий успешного завершения работы по «Штуцеру» было принято решение провести оперативно-техническое мероприятие – ОТМ «Экскурсия»²⁸ или «Вояж». В «секцию» прикомандировали ребят из группы «Фомка»²⁹ (11 человек) технического подразделения Директората.

Чтобы вывести «америкоса» из номера его проживания, по согласованию с Министерством обороны России, на указанное число были запланированы войсковые учения «Ответный плевок-99» на территории Новой Земли³⁰. На них должны были слететься все посольские, и не только, разведчики, находящиеся в стране. Планом учений предусматривался отстрел оставшихся на боевом дежурстве стратегических ракет, общевойсковой конкурс на лучшее исполнение песни «Yellow submarine», а также военно-спортивная викторина «Когда же дембель?».

Заход в номер начался задолго до рассвета, когда все постояльцы гостиницы отдыхали, «ночные блюстители» разобрали своих клиентов, а по телевизору полуночников стали «гру-

---

²⁸ – или же ОТМ «Вояж», – оперативно-техническое мероприятие по негласному проникновению в жилые и не жилые помещения объекта проработки с целью поиска возможных доказательств его преступной деятельности или же создание их на месте – Автор

²⁹ – техническое подразделение Директората, предназначенное для вскрытия любых запирающих устройств по служебным и коммерческим заявкам – Ред.

³⁰ – остров в Северном ледовитом океане с десятком мест лишения свободы, для проведения испытаний ядерных зарядов – Ред.

зить»³¹ рассказами об очередной встрече родного Президента на высшем уровне, «без штанов».

Пашка Сибирцев обесточил этаж гостиницы, затем отключил телефонную связь, водопровод, сигнализацию, заблокировал пожарные лестницы. Спиридон Тёмный собрал в кучу все ключи от номеров и принёс Панасу. Два выхода на этаже были тут же заварены переносным аппаратом группы «Фомка». Администраторши отсутствовали, отпущенные в бессрочный и неоплачиваемый отпуск. По приказу Панаса фонарями на этаже не пользовались. Тьма и тишина были гнетущими, как перед очередным финансовым кризисом. Ориентировались только по запаху. Панаса все находили безошибочно. Перед «экскурсией» он специально съел цибулину и пять головок чеснока.

Бандура приставил ухо к двери номера «Штуцера» и услышал негромкую музыку. Приятный женский голос напевал:

«Не зажигай огня. В столь поздний час.
Никто к нам не придёт, не вскроет двери.
Любовь одна – ты слышишь – верит
И плачет тихо с жалостью по нас»

- Тебе чего, Иван? – спросил Панас.
- Ничего, – по запаху ответил Божко.
- Зачем звал? Что случилось? – начал заводиться Панас.
- Да, не звал я Вас, Панас Романович, – возмутился Ваня.
- Ты меня, что уже совсем за Бетховена³² принимаешь?

Все были на взводе. Опять назревала потасовка. В раскалённом от напряжения коридоре из-за любого нецензурного слова мог вспыхнуть кислород.

– Панас Романович, – вмешался шепотом рядом стоявший Прохор, – это вас какая-то барышня за дверью кличет.

«Что за чушь, какая барышня? Неужели снова даёт знать контузия», – подумал Панас и, успокоившись, перевёл дыхание. Не хватало только галлюцинаций.

Ключ плавно повернулся, и дверь без скрипа приоткрылась. Бандура запахом пустил команду на вход.

Проникшая в предбанник группа «Фомка» рассредоточилась кто куда. Панас, открыв дверь в комнату, мелкими, неуверенными шажками стал подкрадываться к игравшему приёмнику, по-прежнему просившему не зажигать огня. Как только Панас нагнулся над приемником, чтобы отыскать кнопку выключения, рядом на кровати что-то зашевелилось.

– Лёша, – послышался протяжный сонный голос, – опять ты в ресторане чеснока наелся! Ты же знаешь, я его переносить не могу! Не дыши на меня! И вообще я хочу спать. Давай ложись рядом. Мне завтра утром рано вставать.

Панас обомлел и принял позу «ступора».

Вспомнились детские годы, родное село на берегу Днепра и тот памятный день, когда его в голову лягнул колхозный жеребец. Ему очень хотелось верить, что это очередной куплет песни. Он даже попытался тихонько напеть припев...

Испуг догнал Бандуру в чужой кровати, куда он улегся, предварительно раздевшись. Неизвестная, прижавшись своей грудью к его спине, приятно дышала в затылок своим пятым «Шанелем». Ни живой ни мёртвый Панас с открытыми беспомощными глазами всматривался в темноту, в сторону группы «Фомка», и пытался запахом передать команду «Полундра!».

---

³¹ – рекламировать, популизировать залежалый товар – Автор

³² – композитор с отсутствием слуха – Ред.

Однако, в этом не было необходимости. Когда «Фомки» поняли, что это не приёмник, всех слизало, как сбербанковские вклады в девяносто втором году.

Прошло минут десять. Панаса постоянно сверлил возникающий в таких ситуациях извечный вопрос шо делать?. Двигающаяся от дыхания грудь незнакомки явно не кстати массажировала спину. Бороться с преступным мужским желанием становилось невмоготу. Но сорвать операцию и подставить товарищей он не имел права. Для укрепления нравственности и супружеской верности Панас мысленно вызвал образ «Железного Феликса», того самого, который очень любил детей, но ненавидел их родителей. Вызов был осуществлён при помощи вопроса: «А как бы он поступил на моём месте?» В тот же миг Панасу послышался какой-то шум на улице, невнятные, пьяные крики людей за окном, одиночные ружейные выстрелы, отдаленные слова песни «Смело товарищи в ...». Медленно, со скрипом отворилась дверь. В комнату вошёл Феликс и еще двое в кожаных куртках. Своими горящими, безумными глазами Феликс сверлил Панаса, как последнюю, недобитую гидру революции, при этом в грязных трясущихся руках сжимал какую-то бумагу.

– Решением Московского ГУБЧК,³³ – загробным голосом вещал дух «железного», – за моральное разложение, срыв ответственного революционного мероприятия и предательство делу мировой революцией сотрудника ЧК Бандуру приговорить к расстрелу. Приговор привести в исполнение при обнаружении последнего. Двое стоявших тут же выхватили пистолеты. Вспыхнули огни, раздался грохот.

---

³³ – предшественник Директора – Ред.

От спины что-то отлегло.

Панас конспиративно открыл глаза.

Его слегка знобило. Все терзания по поводу мужского желания куда-то мгновенно улетучились. Было отчетливо ясно и понятно, «шо» надо делать. Из-за принятой неудобной позы тело начало затекать, а от нервного стресса Панас стал погружаться в сон. Однако успел про себя отметить, что бюст незнакомки на размер больше, чем у Зинки, и что, к сожалению, Феликс этого не почувствовал, а он ему не успел объяснить.

Ему приснился сюжет из «Тараса Бульбы» Николая Васильевича Гоголя.

Старый Тарас, с огромной связкой амбарных ключей, вёл под уздцы коня, на котором сидел его сын Ваня.

– Батьку, за шо-о? Батьку? – плаксиво вопрошал сынок.

– Что же ты, курчый сын, наделал? Ты мне какие ключи подсунул? А ну, слезай с коня и на колени.

– Я тебя открыл, я тебя и закрою! – с этими словами Панас замахнулся связкой ключей над головой Ивана. Тот бросился в рёв, похожий на храп.

Незнакомка сняла свою руку с его плеча и перевернулась на другую сторону. Панас умудрился одеться и, пятясь задом, оказался в предбаннике. Не успев развернуться, он споткнулся о какой-то чемодан (его забыли в спешке «фомичи»). Раздавшийся грохот заглушил звук тупого удара его головы о косяк двери.

Панас потерял сознание.

На этот раз ему снилось, как сын Тараса Бульбы – Иван, тащит бездыханное тело своего отца. При этом приговаривает:

– Батьку, я же Вам говорил, что «Штуцер» живёт в соседнем номере, а Вы мне – мовчы, мовчы. Батьку, а зачем Вы на голову одели женский лифчик?

От этого кошмара Панас быстро пришёл в себя. Обернувшись в темноте, он увидел какие-то тени.

– Хлопци, цэ вы-ы-ы? – протяжно простонал Панас.

– Мы. Мы, Панас, – ответила темнота.

Стало тихо. Где-то на улице ковырялись электроремонтники. Возле входа скопилась целая толпа постояльцев, требовавших именем демократии открыть двери и пропустить их в номера. В окно заглянула любопытная луна, чтобы посмотреть на чудовищный панасовский синяк, напоминавший водолазную маску, и рассмешить «экскурсантов». Кто-то, хихикая, дополнительно осветил лицо Панаса «ФЭДом»³⁴.

– За мной, хлопцы! Вперед! – простонал Панас и показал на номер «Штуцера». Рука Панаса повисла в воздухе.

Опера быстро справились с дверью. «Фомка» ушла в работу. В предбаннике остались Прохор и Иван. Сквозь напозавший сон Панас услышал сдавленный шепот.

– Ванёк, а что у него в холодильнике? Посмотри, – убедительным тоном порекомендовал Прохор.

– Прохор, да тут вискаря немерено! Давай по пятьдесят грамм! – радостным пискom проверещал Иван.

– Ты еще спрашиваешь! Тем более Панас в завязке, – наливай!

От неслыханной дерзости и возмущения Панас снова потерял сознание. Придя в себя часа через два, он услышал тягучий голос Ивана.

– Ну, что, Проша, – на посошок?

– Ну, ладно, давай, – ответил изрядно захмелевший Прохор, – на посошок и тихонько споём мою любимую «По диким степям Забайкалья».

От нахлынувшей досады Панас решил отлежаться в коридоре. Для второго захода у него не осталось живого места на лице и «вискаря» в холодильнике. Рядом прошла уборщица. Панас притворился спящим.

– От свинюка, – услышал он явно недружеский голос, – нажрутся, облюются, а нам потом убирать.

Шаги остановились. «Лишь бы она не полезла в карман, где лежали: пляжный снимок «Герды», фотографии тётки на каких-то похоронах и жены с авоськами», – проскочила мысль. Тут же он почувствовал, как женская рука заботливо приподняла его голову и сняла лифчик. Шагов больше не было. Панас, прищуриваясь, вглядывался в темноту коридора. Мимо пробежала мышка. Где-то мерно постукивали часы. Рядом с ним кто-то заботливо оставил ведро и швабру. За дверью ковырялись «экскурсанты». Было тепло и уютно.

«Чуден коридор при лунной погоде», – подумал Панас.

---

³⁴ – «ФЭД» – фотоаппарат названный в честь Феликса Эдмундовича Дзержинского – Ред.

На проводимом совещании в Директорате Панаса пригласили в президиум. Когда он сел возле трибуны, в зале стало ещё светлее. Сначала он подумал, что хотят отметить его заслуги как отличившегося «экскурсовода», – синяк в пол-лица так и не сошёл. Но потом понял, что он приглашен как образец и напоминание всему «сектору», к чему приводит самодеятельность в работе, отсутствие должной «отцовской заботы» и кураторства со стороны руководства. А также дерзкая оперативная независимость, пренебрежение к организующей роли вышестоящего «сектора», несогласованность и уход от выполнения четко выверенных и откорректированных пунктов плана.

Несмотря на успешное проведение вчерашней «экскурсии», руководство было недовольно (Вообще-то оно всегда всем недовольно – автор). Каждый выступающий со словами: «Я не участвовал, но я скажу», считал своим долгом дать рекомендации Панасу, как надо работать, при этом «лягнуть» посильнее.

Как всегда, на этом совещании Панас ничего полезного не услышал.

«Ясно одно, – со «Штуцером» пора кончать! Но как?» – начал размышлять Бандура. Если взять как «шпиона», разразится дипломатический скандал. Государству не предоставят очередной «транш»³⁵. Чинуши и казнокрады будут лишены возможности его разворовывать, чтобы достраивать свои виллы на Багамах и посещать бани в Москве. «Братва» не сможет «наезжать»³⁶ на коррупционеров, чтобы потом «оттягиваться»³⁷ в кабаках и в других злых заведениях. Бюджетники не получают «объедки» с разворованного «барского» стола. Бандура будет не в состоянии заправлять свою «Таврию», чтобы использовать в работе против шпионов. Получался какой-то заколдованный, демократический круг!

К тому же по договоренности с «америкосами» мы их «шпиков» не сажали, а отпускали на рождественские каникулы – безвозвратно, а они наших по полной программе – бросали в тюрьмы с пожизненным заключением. Несмотря на это каждый день «зловонное» чрево внутренних и внешних СМИ выливалось на «оболваненного» россиянина целые ушаты коротавых панегириков, доказывающих, что наконец-то мы стали жить в свободном обществе, и в то же время взрывалось злобными выпадами в адрес кошмарного «совдеповского» прошлого «этой» страны.

В действительности, как считали многие в Директорате, государство превратилось в тоталитарный анклав, под названием «демократия», окруженный со всех сторон кредиторами, со слюнявым нетерпением ожидавшими, когда же «клиент» сдохнет, чтобы приступить к разделу его заложенного имущества.

– Да-а, – вздохнул Панас, – ну, Запад! Ну, «контра»! (враждебный человек или целая страна. – Ред.) – это же надо было до такого додуматься, – насадить свой «режим» и создать систему, заставившую работать на себя своего бывшего главного врага, предварительно его ограбив.

* * *

В дверь заглянул Максим Фиников, держащий в руках какие-то бумаги и объёмистый пакет.

– Панас Романович, я принес рапорт на отпуск, – прострочил «Финик».

– Поставь на стол, – оживился Панас.

– И вот ещё что, Панас Романович, мы уточняем вопросы по линии мобилизационной готовности «сектора». У Вас на случай эвакуации в Сибирь вывозятся все, кто указан в мобилизационном документе?

---

³⁵ – международный кредит, обречённый на разворовывание – Ред.

³⁶ – предлагать поделиться – Автор

³⁷ – поздний ужин с незнакомой женщиной – Автор

– Нет! Не все! – решительно заявил Бандура, – вычеркни тещу!

Вчера вечером теща, «подогретая» женой, нашла в кармане брюк Панаса ветхий червонец, оставшийся от ежедневного празднования дня контрразведчика. Разразился скандал. По квартире летали громы и молнии, осыпалась штукатурка, дал ещё одну трещину потолок. С антресоли был срочно востребован желтый с голубыми замками походный чемодан Панаса, в который упакованы все его личные вещи. Рядом лежала шинель-скатка, валялся противогаз и стояли солдатские ботинки без шнурков. Наскоро был собран трёхчасовой сухой паёк. Ключи от квартиры и портмоне он сдал по реестру³⁸ старшему сыну. Назревало очередное прощание и бессонная ночь в автомашине. В мыслях возник перрон Киевского вокзала. Паровоз под парами с транспарантом «Зустрічай свого сына, вильна Украина», толпа сотрудников американской посольской резидентуры под руководством «Штуцера», на радостях горлопанящая «Розпрягайтэ, хлопци, кони». Особенным усердием в подпевании отличалась теща, визжащая от радости в последнем ряду.

Бандура ещё больше покрылся грустью, когда маленькая дочурка своим плачем начала исполнять походную украинскую писню «Йихав козак за Дунай». Начали звонить жильцы дома, брать на себя ответственность и прикрывать Панаса. Приезжали вызванные ими же сотрудники 910-го отделения милиции засвидетельствовать своё сочувствие и вручить передачу. Соседка из 17-й квартиры снова предложила переждать «ночную грозу» в её доме.

На пороге квартиры состоялось экстренное выносное заседание «тройки»³⁹, – жена, теща и семейная собака, московская сторожевая по кличке «Лужок». Предъявление обвинения проводилось с особым цинизмом, нарушением статей кодекса «О браке и семье» и новой Конституции России.

Оглашались все панасовские грехи, большинство из которых он и не помнил. Безосновательно и безпадежно спрягались все его друзья, начальники, разоблаченные и ещё нет шпионы, ночные «засады», «экскурсии» и ресторанные дежурства. Подсчитывалось количество не подаренных жене цветов, духов, браслетов, проигнорированных выездов на дачу для разброски навоза, вспахивания огорода и уборки лесного мусора в районе. Озвученную цифирь

теща сверяла по «журналу регистрации обращений и заявлений психдиспансера № 13» в чёрных обложках.

Свои свидетельские показания жена, как всегда, посвятила давно набившей оскомину семейной теме «Где деньги?», а также ложным обвинениям под общим виртуальным заголовком «Он меня не любит!» Хорошо, что отсутствовал состав преступления – «измена». Иначе – «расстрел», то есть выдворение за границу России с конфискацией всего подаренного и обещанного тещей движимого и недвижимого имущества.

В ходе слушаний припомнилось всё: предательская сущность Мазепы в 1709 году, Разумовского в период царствования Екатерины Второй, преступно-ошибочный выкуп поэта-рекрута Шевченко Тараса Григорьевича, сепаратизм Симона Петлюры и революционная несознательность батьки Махно. Словесному осквернению был предан картуз Панаса, который якобы напоминает головной убор солдата дивизии СС «Галычына». Особенно досталось Степану Бандере, прямым продолжателем «дела» которого был признан лично Панас.

Отдельным пунктом обвинения проходил «украинский языковый шовинизм». В качестве отягчающих вину обстоятельств оглашались словесные хулиганские выражения, использованные Панасом при общении с тещей до и после 1991 года. А именно: «Дэ ты, курва, винык дила?», «А мэни всэ по цымбалам»⁴⁰, «Хай жэвэ вильна Украина и хай жэвэ хто з кым хочэ!».

---

³⁸ – передаточный документа – Ред.

³⁹ – внесудебный орган СССР времён правления Л.М. Кагановича – Ред.

⁴⁰ – национальный музыкальный инструмент – Автор

В это время по коридору распространился неприятный запах. «Лужок», виновато опустив уши, что-то проскулил в защиту Панаса и покинул «судилище». Свой обвинительный «спич», продолжавшийся без перерыва на совещание три часа, тёща была вынуждена закончить. Из комнаты вышла заспанная жена и, зевнув, поинтересовалась:

– Мама, ну, что? Ты закончила? Ему ведь завтра с утра надо детям приготовить завтрак, сбежать в магазин, выгулять собаку и замочить бельё. Да я смотрю, он тебя что-то не особо внимательно слушает?

Панас, напоминавший героя известной картины «Опять двойка», попросил последнее слово. В своей краткой признательной речи, с возложением рук на фотографию жены и проект справки из ЖЭКа о «...выписке гр-на Бандуры П.Р. из адреса...», он выразил свое глубокое раскаяние в совершенном им тяжком «семейном деянии». Попросил снисхождения. В качестве смягчающих вину обстоятельств указал на тот факт, что приобщённый по его делу червонец является неденоминированным и изъятым из обращения.

Он по-прежнему очень любит жену и её родственников. (Панас не стал конкретизировать, кого именно.) Одновременно сослался на плохое знание русского языка и отсутствие в городе цветов после 5 часов утра. Насчёт картуза уточнил, что в магазине хотел выбрать что-то нейтральное, но там были только «жириновки». Поэтому он купил, как его уверял продавец, – «Лужковку».

В отношении вышеперечисленных украинских фамилий слышал только про Тараса, Степана и Кучму. Близких отношений с ними не поддерживал, семейные деньги им не передавал, в подписании Беловежского сговора не участвовал. За киевское «Динамо» больше не болеет. Купил портрет Романцева и «спартаковские» трусы. Горилку разлюбил, употребляет только «Золотую Москву», и только с разрешения жены. С сегодняшнего дня слово «Сало» он будет писать с маленькой, а «москва» с большой буквы. На подпольных выборах президента Украины в украинском посольстве в Москве голосовал против всех, и президента России в том числе. В РУХе⁴¹ не состоит, так как не знает, куда еще дальше можно «рухаться»⁴². И вообще, после инцидента десятилетней давности от политики отошел.

---

⁴¹ – проамериканское, политическое движение на Украине – Автор.

⁴² – двигаться – Автор.

Именно последнее и соответствовало действительности.

А инцидент возник вот по какой причине.

После памятного решения о закрытии КПСС в «секторе» состоялось нелегальное совещание партактива по ускоренному роспуску ячейки.

Голосовали партбилетами. Потом был стол, то ли праздничный, то ли траурный, каждый трактовал как хотел. Но всем было очень весело. Пригласили окружных демократов и пару иностранцев, объектов оперативной проработки, – установленных разведчиков. Были приглашены и местные, уважаемые «авторитеты». Непонятно по какой причине свой партбилет Панас принёс домой. Тёща, якобы, случайно, обнаружила его в кармане пиджака. И всё! Разница между официально декларируемой дома получкой и реально записанной в партбилете составила 30 рублей. Тёща с услужливой помощью жены умножила все на пятнадцатилетний партстаж и вынесла приговор (несмотря на то, что пять лет Панас был коммунистом ещё до женитьбы).

Жильцы в то время Панаса знали плохо, соседка из 17-й находилась в загранкомандировке, «Лужка» вообще не было, да и походный чемоданчик находился на работе. В нем хранились дела партячейки.

Панаса спасло единственное алиби – он, якобы, собирал деньги для детей и хотел им вручить в день совершеннолетия. Вердикт тещи был по-демократически мягок – к завтрашнему вечеру принести все отложенные для детей деньги (4 тысячи 400 рублей 13 копеек). Удар был почти смертельный. Деньги, занятые у «щырых»⁴³ друзей, Панас отдавал недолго. В 1993 году помогла девальвация. Но всё равно, Гайдара и его команду он не любил ещё больше, чем тещу.

На этот раз тоже пронесло. Но спать Панасу пришлось в коридоре вместе с «Лужком».

Проснувшись чуть свет, Панас убежал на работу, предварительно разбудив сына, и попросил вернуть ключи и портмоне. Сын, претворяясь сонным, вернул только ключи, заявив, что портмоне он потерял.

Как только за дверью скрылся Максим Фиников, Панас полез в сейф за припрятанным Салом.

* * *

Утро очередного дня, как всегда, началось с бестолковой «пятиминутки», на которой всех предупредили, что сегодня ожидается проверка из Директората по вопросу исполнения запросов и ориентировок. Всех присутствующих пронял неприятный озноб, а кое у кого расстроился желудок.

Оперативное предчувствие ничего хорошего не предвещало. Сказать, что все это – идиотизм, значит, сделать комплимент душевнобольным и поставить вопрос об их досрочном освобождении из больниц по всей стране. Большого маразма, как исполнять подобного рода документы, не мог придумать даже главврач Маргулис.

Неожиданно Бандуру вызвало руководство «сектора» и заявило, что на завтра самим Директором назначена реализация его дела, и он должен срочно составить план, предоставив его проект в течение двух часов.

Через 30 минут всё было готово.

Утверждённый план операции «Коляда» предусматривал провести задержание «Штуцера» в гостинице «Президент отель». С этой целью создавалось несколько групп захвата и обеспечения мероприятия. Основная роль отводилась Панасу, Ивану и Прохору, которые под видом заезжих артистов ансамбля народного творчества «Украинский самовар» должны были добиться от «Штуцера» главного, – чтобы тот открыл дверь номера. После чего группа захвата «Беспредел» врывается в комнату и «пакует»⁴⁴ всех находящихся, не допуская, чтобы «Штуцер» чего-нибудь не выбросил в окно вместе с собой.

После внесения «Песком» незначительных дополнений план был окончательно утверждён. Панас с экипажем тут же выдвинулся в адрес.

Войдя в гостиницу, Панас и его хлопцы, по привычке, не обращая внимания на присутствующих, сразу направились к лифту. В это время раздался истошный крик, словно на улилку наехал грузовик: «Стойте! Назад! Вы куда! Ваш пр-р-р-опуск!» На руку Панаса что-то прилипло – то ли вахтёр, то ли охранник, лет пятидесяти и ростом чуть меньше хоккейной клюшки. Судя по орлиному «шнобелю»⁴⁵, редким зубам и пене у рта, его звали Бор-р-рис. Вообще-то Панас ошибся, – его звали Зяма.

---

⁴³ – отзывчивый, добродушный – Автор.

⁴⁴ – попросить полежать на полу – оперативный слэнг – Автор.

⁴⁵ – нос – оперативный слэнг – Автор

Прохор, в предчувствии очередной потасовки, с нескрываемым удовольствием схватил «ключку» за изголовье и оторвал от пола. Панас хмуро посмотрел на Прохора, и тот сразу вернул вопрошателя на исходную позицию, предварительно «ущипнув» Зяму своим кулаком за живот. Через минуту подошёл лифт и очнувшийся Зяма смог произнести первые слова.

– Да что вы так беспокоитесь, я только хотел сказать, что соседний лифт не р-р-работает и в наш буфет завезли почти свежее пиво.

В коридоре, как на митинг, начали скапливаться народные массы постояльцев и просто представителей сервиса услуг. Среди них Панасу приглянулись две сочные проститутки и по физиономии Прохора он понял, что вкус у них один. Зяма в лучах любопытных глаз возомнил себя очередной жертвой тоталитарного произвола и попытался что-то визгнуть, но Прохор со словами: «Папаша, а где тут у вас параша?», пнул Зяму в печень, и тот с открытым «клювом»⁴⁶ влетел в соседнюю дверь. На двери красовалась буква «Ж». Экипаж быстренько последовал туда же.

– Вот что, умник! – прорычал Прохор, – если ты ещё что-то вздумаешь пискнуть, у тебя пересохнет горло, а когда оно у тебя пересохнет, я заставлю тебя выпить всю воду в унитазе.

– Да я, я, – гнусавил Зяма, – я хотел пр-редложить убр-рать ваш номер.

– Еврей с метлой, что негр с румянцем, – огрызнулся Прохор, – а этих двух «тёлок» предупреди, что нам надо их опросить.

---

⁴⁶ – смотри «шнобель» – Автор

Выйдя в коридор, экипаж продолжил рекогносцировку гостиницы. Последняя представляла собой скромное, но со вкусом организованное и обставленное заведение с «демократическим» душком, в которое давно не ступала нога «нашего брата», – опера госбезопасности.

Откуда ни возьмись появился Тимофей.

– Ребята, я слышал, вы будете проверять паспортный режим, возьмите меня. Я уже установил всех постояльцев и среди них есть очень интересные экземпляры, у которых нет прописки, но есть деньги. Панас, честное слово, скоро старый Новый год. Я не подведу, – заискивающе улыбался Тимофей.

Экипаж что-то начал бляеть про «тринадцатую», которая ещё не скоро. Но Панас был непреклонен.

И в это время, внезапно, на гостиницу упала ночь, как будто споткнулась о соседний часовой пояс.

Спустившись в бар, экипаж наткнулся на сервированный Зямой столик.

– Слушай, Панас, мы про девчонок забыли, – оживился Прохор. – Эй, «полотёр», – рявкнул он в сторону Зямы, – а где обещанный десерт?

– Ай момент, господа, – встрепенулся Зяма и подлетел к соседнему столику, где изнывал от безработицы сочный товар, – Наташенька, Машенька, – эти молодые люди желают вас что-то иметь, – пролебезил сутенёр, с начинавшим засыхать горлом.

Опрос девчонок был проведён в «люксовском» номере с соблюдением необходимых мер конспирации и личной гигиены. Ничего интересного он не дал, но осталось памятное удовольствие и добровольное согласие «матрёшек» на оказание «любой» помощи в деле защиты интересов государственной безопасности.

Вернувшись на работу, Панас доложил результаты рекогносцировки и выразил уверенность в успехе задуманной операции, указав на главное условие её проведения, если дело «Штуцера» вёл он, то и реализовывать материалы должен его «экипаж», а не присосавшиеся со стороны якобы коллеги, а по службе – «оперативные импотенты». Руководство «сектора», немного покривившись, заверило, что постарается доказать это «крыше».

Зимним днём «экипаж» радостно будоражило в предвкушении ожидаемой победы. Азартное состояние грело душу. Первоначальная авральная суета потихоньку стала спадать. За квартал от гостиницы Панас заметил Зяму, который со свежесдобытым караваем встречал оперативных сотрудников. Бандура зло посмотрел на Прохора.

– Что Вы, Панас Романович? Вы же меня знаете, я в любом состоянии нем, как рыба, – виновато пояснил Прохор, – возможно, Зяма узнал о нашей операции через свои связи в Директорате.

Панасу ничего не оставалось делать, как проехать мимо сутенёра. Поднятые автомобилем грязные лужи с гиганьем и шипением набросились на Зяму.

Гостиница была взята в окружение сотрудниками «сектора» и «Микки Маусами» по всем правилам военного искусства. Осталось подтянуть артиллерию и на перекрёстках расставить пулемётные тачанки, а за углом разместить духовой оркестр и похоронную команду.

Первая фраза, оброненная Панасом, гласила – «Ламбада». Что в переводе с португальского языка могло означать «танцуют все». А могло и не означать.

Откуда-то опять вырос Тимофей.

– Панас, слушай. Если будет абордаж, дозвожь мне штурмовать соседний номер тремя этажами выше. Там какой-то интересный «ара» появился.

– А мне добавь ещё и ресторан, – серьёзно пробасил Прохор.

Иван ничего не сказал, но по оживлённой беседе с Зямой Панас понял, что трофеи будут сноситься к нему.

Один Спиридон Тёмный, недавно прибывший в «секцию», что-то деловито разъяснял по рации «базе»⁴⁷, «крыше» и всем остальным, которые сидели в своих кабинетах с проектами заготовленных персональных рапортов на награждение.

Кольцо окружения вокруг «Штуцера» неуклонно сжималось. Подходила кульминация (как любил говаривать «Песок» – «квинтэссенция») всей операции.

Переодевание в национальные костюмы заняло минут двадцать. Прохор отказался напяливать на себя украинские шаровары, а тем более вешать казацкую булаву, но с неподдельным желанием засунул за пояс «Кировоградскую с перцем». У Панаса всё время отклеивался левый ус, а нахлобученная папаха была размеров на пять больше и съезжала на переносицу. «Спири» вообще не подошли «черевики»,⁴⁸ и он остался в кроссовках. Зато упорно пытался зарядить «пистолю» образца 1654 года и наточить того же периода «шаблю».

---

⁴⁷ – позывной руководства «сектора» – Автор

⁴⁸ – сапоги – Автор

Получив команду, тройка ряженных «колядистов» выдвинулась на 8-й этаж к номеру 820. В период подъёма в лифте содержание «Кировоградской» убывало в геометрической прогрессии. Выйдя на нужном этаже, Прохор поскользнулся и выронил из рук огромный, арендованный в местном ресторане самовар. От прокатившегося грохота, казалось, дрогнули железные фермы гостиницы и в женском туалете погас свет. Поддерживая друг друга, тройка упёрлась в первый номер. Стучать долго не пришлось. В открытых дверях появился заспанный китаец. Прохор чему-то обрадовался и со словами: «Чай заказывали?» обдал китайца пригоршней краснодарского риса.

– Сию, сию, посиваю, з Новым роком вас витаю⁴⁹, – автоматически начал басить Панас, по-детски улыбаясь, и первым переступил порог.

Китаец хотел вызвать милицию, но увидев булаву, тут же спросил на английском, с китайским или русским годом его поздравляют?

Прохор ничего не ответил, но дал ему понюхать свой кулак. Спиридон взвёл курок. Панас набил запорожскую трубку. Воцарилась неловкая пауза, – характерный предвестник рукопашной схватки. Силы были явно не равны, и тогда он спросил: «Сколько?».

Со словами: «Этот вопрос обсудите с нашим «особо уполномоченным» Панас крикнул Тимофея, и все трое вышли из номера.

Следующая дверь заставила Панаса остановиться и погрузиться в не совсем приятные воспоминания. Из номера доносилась лирическая музыка. Сразу зануло в голову. Достав из кармана фломастер, Панас криво написал на двери: «Лёха, привет. Я тебе очень завидую. Не забудь есть чеснок. Твой Панас».

Неуверенными шагами хлопцев несло к победе. Возле номера 812 ни с того ни с сего Прохор брякнул:

– Откройте, милиция! Проверка паспортного режима!

В показавшееся за дверью лицо узбека Прохор без предупреждения бросил жменю риса.

– Э-э-э, дорогой, зачем соришь? Зачем обижаешь? Просто так заходи, – моментально сориентировался узбек, которого звали Карим.

Панас не стал «сеять»...

И без этого стало всё ясно...

Хлопцы расположились в номере на превал. Сообразительный постоялец быстренько накрыл столик. Закуска была как нельзя кстати. Все выбились из сил, как будто штурмовали «Белый Дом». Один Тимофей крутился, как юла, и раза три уже заглядывал в номер, но без команды боялся войти.

Карим всё возился с самоваром и не мог оторвать от него хитрых глаз.

– Продай. Что хочешь заплачу. Такой товар! Такой товар!

– Да, забирай ты его просто так, – прорёк повеселевший Панас, – у нас таких на Украине, – как грязи.

– Панас Романович, – выпалил Иван, – Вас вызывает «база». Спрашивают, где находимся? И требуют, чтобы через десять минут мы обеспечили заход «Беспредела» в номер «Штуцера».

– Передай, что находимся у друзей. Но понесли потери, – Панас посмотрел на самовар, – только не говори какие. А через десять минут пускай подтягиваются. Всё будет как в утверждённом плане.

Карим на радостях включил на всю громкость свои узбекские пляски. Спиридон не в такт стал приплясывать, размахивая «шаблей» и радиостанцией. Прохор неумело хлопал по «Кировоградке». Панас, придерживая ус, рассматривал пачку многоцветного презерватива, которую закинул в номер Тимофей. Надо было «ложиться на боевой курс».

⁴⁹ – начало колядования – Автор

В «дыму оперативных схваток» померкли все конституционные гарантии свободы и прочий демократический бред российских законов.

Мелкими перебежками от номера к номеру тройка стала приближаться к заветной цели. В этот момент напротив комнаты «Штуцера» отворилась дверь под номером 819, и на пороге показалась Наташка, в облегчённой форме одежды, можно сказать, вообще ни в чём. Прохор, с перепугу, закинул ей две жмени риса за лифчик. «Спиря» выхватил «шаблю», а Панас «многоразовый».

– Стой! Ложись! Не двигаться! – прошипел Панас.

Наташка, чуть помедлив, растянулась в прихожей и стала с удивленным ожиданием смотреть на хлопцев.

– Ты что! Дура! Мы на задании! А у тебя одно в голове! – злобно выкрикнул Панас.

– Панасик, – ласково пролепетала Наташка. – А что надо? Ты скажи. Я всё сделаю.

– Вот что, Натуся! Стучи в эту дверь и разыграй горничную. Главное, чтобы клиент выглянул из укрытия. А там мы сами разберёмся, – быстренько нарезал задание Бандура.

В это время в дальнем конце коридора замаячили фигурки приближавшегося «Беспредела». Поднялся небольшой шум. Но было уже поздно. Внезапно отворилась дверь под номером 820. Все застыли, как вкопанные. «Штуцер» такого никогда ещё не видел. Перед ним стояла полубнаженная дива, а за ней, – те же самые персонажи, что и на картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», репродукция которой висела в его номере. «Штуцер» невольно улыбнулся. У Панаса отвалился ус, и он первым пришёл в себя.

– Сию, сию, посиваю, з новым Happy New Year Welcome!⁵⁰ – сморозил он с улыбкой, как будто закончил писать письмо султану.

Прохор подхватился и высыпал весь оставшийся в пакете рис на голову Наташке. Она же, не придумав ничего лучшего, запела: «Happy Birthday to you! Happy Birthday you!»⁵¹.

И тут Панас вспомнил, что вчера у «Штуцера» был день рождения. Выход был найден. Его радости не было предела. Наташка вывела «Штуцера» в холл и стала с ним танцевать, вспомнив свою прежнюю работу в стрипбаре. Ряженые, взявшись за руки, начали вокруг влюбленных водить хоровод, без конспирации напевая: «Happy Birthday to you!». У всех внезапно проснулось нервное счастье и искреннее веселье захватило дух. В порыве откровенности Бандура сунул «Штуцеру» «многоразовый». Протрезвевший Прохор несколько раз пытался пригласить Наташку, но «Штуцер» упорно её не отдавал. Откуда-то появились китаец, узбек и присоединились к общей вакханалии.

---

⁵⁰ – счастливого Нового Года! – англ. пер. Ред.

⁵¹ – счастливого дня рождения! – англ. пер. Ред.

И в это время гроыхнул выстрел.

Все уставились на растерявшегося Спиридона, в руке которого дымился ствол «пистоля».

– Шо ж ты, курчый сыну, наробыв? – успел только прореветь Бандура.

Всё остальное он помнил смутно.

Крики, визги, непонятые команды: «Ложись, падла!», «Руки за голову!». Дикий рёв Прохора: «Так я же свой, хлопцы!» Обречённые слова Ивана: «Прощай, Батьку!» Маски ребят из «Беспредела». Печальный визг Наташки: «Панасик! Любимый! Вернись!» Вестибюль. Сборный хор служащих гостиницы под руководством Зямы с унисонными возгласами: «Yankes – Go home! Yankes – Go home!»⁵².

Внезапно в окно кабинета Панаса, сквозь нависшие серые тучи, прокрался солнечный лучик, весело заиграв на маленьком украинском флаге, установленном на сейфе. И новый

⁵² – американцы убирайтесь домой! – англ. пер. Ред.

кабинет, в который переехал Бандура, показался не таким уж и маленьким. Да и в душе что-то слегка ёкнуло, и приятное тепло растеклось по телу. Сразу вспомнился Днепр у одного из порогов, пробуждающиеся от зимней стужи почки крещатинских каштанов, лучезарные улыбки юных киевлянок и такой родимый запах жареного Сала.

Посветлевший взгляд Панаса вновь упал на выписку из приказа по Директорату: «...За несанкционированный контакт с объектом дела отстранить тов. Бандуру П.Р. от должности начальника с переводом на нижестоящую...».

Грустное зрелище, – простонал Бандура, – ну меня, старого дурня, понятно за «шо»! А Ивана за что в простые опера? А Прохора на другой участок?

Зазвонил телефон.

– Па-а-п, мама спрашивает, когда ты придёшь?

– Та вжэ йду сынку, йду...

НУ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?!

Бросив на стол пухлый том ДОПра⁵³ «Муляж», Панас грузно плюхнулся в кресло. Немного постреливало в правом ухе, и чесался нос, как у собаки, взявшей долгожданный след. С особым удовольствием он закурил свои любимые «Крещатик» и погрузился в уютное облако национальных воспоминаний.

Родной Киев уже заволокло долгожданной весной. Солнечный свет шагал по крышам домов, сметая на своём пути остатки надоевшей зимы⁵⁴. В небе резвились подогретые воробьи, разнося всякий вздор и весенние небывлицы. На деревьях кладбища старые вороны подозрительно косились на прохожих и каркали что-то вроде: «Все там будем!»

В парках и скверах тощие от зимнего воздержания ворковали голуби то ли о мире, то ли о пошлой любви. Потеплевшее ласковое солнце выпроваживало погреться на улицу пожилых горожан и бесстыдно играло с влюблёнными парочками, провоцируя у них простудные заболевания. Залитый весной Крещатик освобождался от грязного сезонного прошлого. Гонял в обе стороны автомобили, ещё не проснувшиеся от зимней спячки, и приноравливался к неуверенным шагам киевлян.

– Послушай, Панас, ну, как Дело? Уже ознакомился? – заглянув в кабинет, пробасил Прохор.

– Нет ещё, даже не открывал. Только принёс.

– Эх! Поработаем! – оживился Громы. – Слушай, Панас, ну на этот раз мы наконец-то отхватим по ордену или нет? Мне уже перед женой неудобно. Сколько раз я ей говорил, что по ночам работаю, шпионов ловлю, а она всё требует доказательств и ждёт, когда меня наградят. И никакие другие объяснения её не удовлетворяют. Панас, если хочешь, то ради этого я готов бросить пить.

– А ты, на какую медаль метишь? «За отвагу в сексе»? Ты бы лучше баб своих бросил и удовлетворял только жену, – серьёзно огрызнулся Бандура.

– Ну, тогда я и без наград проживу, – с лёгкой обидой бросил Прохор и скрылся за дверью.

Пододвинув поближе ДОПР, Панас неприятно удивился его внешнему виду. Зелено-коричневые разводы указывали на тот факт, что дело использовали не только для систематизации оперативных материалов. Но, возможно, и как подставку под различные столовые приборы, строительный противовес, и, судя по выпадающим страницам, однажды оно было применено в качестве спортивного ядра.

---

⁵³ – дело оперативной проработки. Название присваивается делу, а равно и человеку, на которого оно заводится, лично оперативным работником – Автор

⁵⁴ – в отличие от России на Украине за солнечную энергию никто, никому не платит – Автор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.